

ЕКАТЕРИНА
АНДРЕЕВА

ИСТОРИИ
ЖИВОТНЫХ

18+

Екатерина Юрьевна Андреева

Истории животных

Серия «Азбука. Голоса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74331116

Истории животных: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34402-0

Аннотация

Своенравная и независимая кошка Мура; веселый пес Джеринька, всегда готовый к шалостям и приключениям; шимпанзе Тарасик, покоровший петербургскую интеллигенцию своей живописью, – вот герои этой книги. Животные сопровождают и утешают человека на протяжении всей его жизни, они всегда рядом, но как будто на вторых ролях. «Истории животных» – трогательная, живая, местами смешная, местами трагичная проза о маленьких (или все-таки больших?) жизнях, протекающих рядом с нашими. Искусствовед Екатерина Андреева с благодарностью обращается к любимым зверям и рассказывает их собственные истории – волнующие и убедительные.

Книга дополнена работами художников Владимира Шинкарева, Александра Флоренского, Ольги Чернышевой и фотографиями из архива Екатерины Андреевой.

Содержание

Рассказы про Джериньку	5
1. О том, как Джеринька появился у нас в доме	5
2. Как Джеринька любил маму и какой он был красивый	12
3. Джеринька очень любил гулять	14
4. Джерри Шадричев	16
5. Ласковые слова	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Андреева

Истории животных

© Е. Ю. Андреева, 2026

© А. О. Флоренский, иллюстрации, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Рассказы про Джериньку

1. О том, как Джеринька появился у нас в доме

В мае 1971 года я окончила третий «Б» класс сто пятой средней школы с преподаванием ряда предметов на английском языке. Тут надо сделать одно небольшое отступление. Дело в том, что лишь по чистой случайности 31 мая 1971 года наша семья отмечала это торжественное событие, точнее – по двум чистым случайностям.

Во-первых, моя мама была глубоко убеждена, что самое главное в жизни – это свежий воздух. Поэтому она возымела намерение отдать меня в сельскую школу поселка Комарово, где у нас была дача и где мы с бабушкой – я как в тюрьме – жили в 1964–1968 годах безвылазно. Никакие разговоры и наводящие вопросы типа «Люся, а как же Катя будет ходить в школу зимой, одна через лес больше двух километров?» на маму не действовали. Она твердо отвечала: «Ничего, когда мы жили на Урале в эвакуации, мама же ходила за мукой через лес с волками». (О психологическая близость 1968 года и какого-нибудь 1941-го, комсомольское воспитание, стремление к трудностям, закаляющим характер!) И вот картина

русского акварелиста Богданова-Бельского «Устный счет», вероятно, определила бы мое будущее. Однако папа настаивал на том, что учиться я буду только в городе, хотя настаивать на своем ему, вообще-то, было совсем несвойственно. Я думаю, ему помимо всего прочего было обидно, что он зря промучился года два, заставляя меня читать по-английски книжку Киплинга «Just So Stories» (до сих пор на даче попадаются тетрадки со словами «элефант», «воз» или «хауз», которые я в приступе бессильной злобы требовала писать русскими буквами).

Итак, папа узнал, что недалеко от дома в Ленинграде есть английская школа, но в дирекции ему сказали, что прием детей на конкурс уже закончился. И тогда как тяжелую фигуру в дело ввели моего дедушку, который пошел к директору и выслушал кое-какие рассуждения о нуждах школы. Оказалось, что сто пятая школа уже несколько месяцев прямо-таки завалена мусором. Ничего не было проще: дедушка позвонил своим аспирантам, они приехали на самосвале, вывезли мусор и потом на этом же самосвале вывезли меня из Комарова – на конкурс. На конкурсе надо было сказать несколько слов по-английски, повторить за учительницей одну фразу и спеть песенку. Я оказалась очень неоригинальной: как и еще тридцать пять конкурсантов, я исполнила песню про медведей из кинофильма «Кавказская пленница».

Где-то на белом свете,

Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось.
Ла, ла, ла, ла,
Крутится быстрее земля...

Правда, я знала только народный «хоккейный» вариант, который пели комаровские мальчишки:

Мимо бегут канадцы,
Режут коньками лед...

потому что фильма я на самом деле не видела. Бабушка разрешала мне смотреть телевизор дважды в год: концерт из Кремлевского дворца съездов 1 мая и концерт из Кремлевского дворца съездов 7 ноября. Бабушку звали Вера Павловна, она была в молодости стенографисткой Отто Юльевича Шмидта и всем своим отчаянным характером соответствовала героине романа Чернышевского (это она ходила через лес с волками). Когда мы жили с ней на даче, она уже очень болела, что мешало ей проявлять свою природную отчаянность, кроме как садистским путем, накладывая на всех, кто под руку попадет, дисциплинарные взыскания и епитимьи, большей частью выражающиеся в сельхозработах. Возвращаясь к результатам конкурса, нужно сказать, что не подверженной веяниям поп-культуры оказалась только одна девочка по имени Наташа Колосова, которая спела «Идет коза

рогатая, идет коза бодатая...». Учительница записала меня сразу во второй класс. Может быть, папа не зря в упорной борьбе читал со мной «Just so stories», а может быть, учительница засмотрелась на мой рост (я была вплоть до четвертого класса выше всех, и на общих фотографиях меня всегда ставили назад, а потом еще и отрезали полголовы по бровям), а может, она просто чем-то отвлеклась и перепутала. Тогда мама сходила в школу и попросила, чтобы меня перезаписали все-таки в первый класс. Не сделай она этого, у нас бы 31 мая 1971 года не было торжественного обеда, а значит, и Джериньки.

Торжественный обед устраивали по случаю торжественного вручения табелей и затеянной родительским комитетом викторины, а также прощания с первой учительницей Ниной Константиновной. Мама осталась дома готовить обед, а папа отправился в школу, чтобы стать свидетелем моих успехов. Я думаю, он сделал это не без маминого наезда, потому что вообще школьная жизнь папу явно доставала. Отчасти это было связано с Ниной Константиновной и историей подготовки парада 23 февраля 1971 года. Для этого парада Нина Константиновна придумала нарядить наш третий «Б» пограничниками. Она сказала: «Катя, попроси папу нарисовать нам пограничный столб и собаку». – «Спроси у нее, зачем ей рисовать собаку», – непедагогично ответил папа вопросом на вопрос. «Нина Константиновна, а что вы будете делать с нарисованной собакой?» – «Мы возьмем ее под

мышку и понесем», – ответила Нина Константиновна, у которой в голове уже сложился ясный сценарий парада: все идут строем, парами, в склеенных из зеленого картона пилотках, впереди четыре мальчика в маскхалатах из простыней несут пограничный столб и собаку... Папа сказал: «Знаешь что, ты ей посоветуй встать на четвереньки, из нее самой получится отличная собака, например болонка». Можно себе представить, с каким рвением он клеил мне пилотку. На параде сначала выступил третий «А» во главе с классной руководительницей Маргаритой Ивановной Жуковой, которая была учительницей труда у девочек (шитья и домоводства). Маргарита Ивановна на вид была очень строгая дама, но на самом деле добрая и веселая. (У нее были замечательные сапоги-чулки из серебристой мерцающей клеенки, которые так поражали воображение, что мы с девочками однажды просидели на корточках целый урок, спрятавшись за дверью учительской, чтобы их потрогать.) На уроках труда за приготовлением салата «Ромашка» или раскроем фартука Маргарита Ивановна высказывала некоторые общепользные вещи в афористической форме: «Хорошо, если девушка будет уметь хотя бы шить и готовить, это позволит ей не скатиться в случае чего сами знаете куда». Или: «Девушка всегда должна быть готова раздеться». В соответствии с жизненной философией Маргариты Ивановны третий «А» весело промаршировал под какой-то довольно разгильдяйский мотивчик типа «Капитан, капитан, улыбнитесь», и наступи-

ла наша очередь. Я так волновалась, что даже не запомнила, под какую мелодию мы выступили. Почему-то кажется, под «Трех танкистов». Впереди шагала моя подруга Катька Гончарова в настоящих генерал-лейтенантских погонах своего дедушки, ректора Военмеда. Один глаз у нее был заклеен синей изолянтной: такими средствами тогда боролись с косоглазием, надо сказать, очень успешно. Обувь у нас была неформенная, у меня, например, стоптанные тапочки, одну из которых я от волнения потеряла и, пытаясь подцепить ее носком из-под ног сомкнутых шеренг третьего «Б», смешала строй. Из-за этого мы получили всего-навсего второе место. И когда все сидели на низеньких физкультурных скамеечках в ожидании призов, я вдруг получила болезненный щелчок по затылку. Оглянувшись в растерянности, я встретила испепеляющий взгляд Нины Константиновны.

Довольно дурацкая викторина по случаю окончания третьего класса в целом удалась. Мы рисовали на доске, кто быстрее, в стиле аттракциона из «Я шагаю по Москве», и остроумно отвечали на вопросы, как в популярной передаче «КВН». В команде с Мишей Козачковым, который в первом классе пошел провожать меня домой и за полчаса рассказал мне штук сорок анекдотов про Василия Ивановича, которые я все сразу запомнила на всю жизнь, оттого что раньше никогда анекдотов не слышала, и Славиком Амусьей, который подарил мне на 8 Марта термометр для ванны и чей папа читал нам настоящую лекцию про телекинез, со слайдами, но в

целом доказывал, что это явление не научное, эту викторину выиграли. И вот мы с папой, явно испытавшим некоторое облегчение, когда все закончилось и раздали табеля, весело отправились домой.

Через 15 минут мы открыли дверь в квартиру. В коридоре было темно. Слева под вешалкой на туфлях и ботинках белым пузом кверху валялся щенок. Он нас ничуть не испугался и даже, пока еще лежал на спине, дружелюбно повилял хвостом; потом, как вежливый и приветливый, он решил нам представиться, бултыхнулся с папиных ботинок на бочок, на все четыре лапы, отряхнулся и вышел на середину коридора, глядя на нас и помахивая хвостом. «Ма, кто это?» Тут из дальней комнаты появилась мама, которая закрывала пироги полотенцами и шарфами, чтобы не остыли. «Это Джеринька, – сказала мама, – я пошла на рынок за кроликом, и там у ворот стояла такая симпатичная женщина, пытаюсь его продать. Она даже плакала, так не хотела с ним расставаться. Но живет она в коммуналке и с двумя собаками – Джеринькой и его мамой, – там ну просто никак. Вот она его завернула в такую красивую вышитую крепдешиновую пеленочку и пошла продавать, а вокруг нее, представляете, столпились одни алкаши. Я как его увидела, ему в глаза посмотрела – так сразу и купила». Потом мама часто говорила: «Надо же, как это я за семь рублей купила свое счастье».

2. Как Джеринька любил маму и какой он был красивый

Джеринька всегда больше всех любил маму. С рынка он пошел за мамой, как будто все сразу понял, даже без поводка. Вообще, он ко всем очень хорошо относился, но его чувства к маме были совершенно особенными. Пока он был маленьким, он просто ни за что не хотел с ней расставаться. На второй день мы пошли с Джеринькой в парк Лесотехнической академии имени С. М. Кирова (в просторечии «Дубколледж» или «Лесопилка»), где он никогда до этого не был. Джеринька бежал на поводке и очень внимательно, как потом выяснилось, запоминал дорогу. Только я его спустила, как он тут же бесследно исчез под кустами. В тревоге я пошла его искать. Иду и кричу: «Джерри! Джерри!» Вижу – Джеринька знай себе колбасит по дорожке обратно домой к маме и уже приближается к выходу из парка на Институтский проспект, где машины так и мелькают. Когда я добежала до улицы, готовясь к самому худшему, Джеринька ее как раз перебежал, а все машины стояли, только задние гудели, не понимая, что происходит. Один водитель опустил стекло и говорит: «Вы его хозяйка? Очень он у вас смешной и такой самостоятельный! И хвостик фуфыристый». Мама тоже считала, что Джеринька удивительно прекрасный. Она говорила: «Джеринька, какой ты красивый, какие у тебя гла-

за, совсем как у Пушкина!» Кстати, Пушкин почему-то для многих женщин действительно является эталоном мужской красоты. Однажды в отделе рисунка Русского музея за чаем обсуждали красоту людей николаевской эпохи: на рундуке были разложены портреты Монго-Столыпина, Лермонтова и других героев, подготовленные к атрибуционному совету. Одна из дам сказала, как выдохнула: «А Пушкин все-таки самый красивый» – и все молча доели свои коржики и бутерброды.

3. Джеринька очень любил гулять

После мамы Джеринька больше всего на свете любил гулять. Мы даже старались не произносить вслух этого слова, потому что Джеринька немедленно начинал ужасно громко лаять. Мы отделялись разными эвфемизмами типа «Юра, пойди-ка вынеси помойку» или «Катя, давай-ка проветрись». Папа обычно говорил, одеваясь, чтобы вести Джерри гулять: «Пойдем инспектировать окрестные помойки». В этом была своя правда, так как, выбегая из подъезда, Джеринька с победным лаем разгонял котов, сидящих у подвальных окон, иногда подъедал их сырные корочки и куриные хрящики и по ходу дела тщательно обнюхивал все попадающиеся бочки. Вероятно, на улице все казалось ему гораздо вкуснее и привлекательнее, чем привычная «Докторская» или «Останкинская» колбаса (в смысле, из останков твоих, Джеринька, родственников, — как всегда, нехорошо улыбаясь, приговаривал папа, скидывая нарезанные кусочки Джериньке в миску).

В молодости Джеринька отличался очень страстным темпераментом. Перестав писать, как девчонка, и научившись задирать лапку, он стал еще и стремиться к независимости. Начались типичные подростковые бунты. Если Джеринька предполагал, что его продинамили с прогулкой, он в наше отсутствие вытаскивал всю-всю обувь из всех коробок и сва-

ливал ее в кучу посередине коридора. Потом он погрыз мамины любимые английские туфли, потом погрыз вообще всю обувь и перешел на носки, колготки и нижнее белье, которое находил в моей комнате. «Вот! – торжествующе говорила мама, – пусть хоть собака приучит тебя к порядку!» Джеринька явно выходил в любимчики. Иногда, правда, и его наказывали: если на улице он ловко и незаметно перегрызал поводок или движением шеи ухитрялся скинуть с себя ошейник и убегал часа на три, вечером мама с Джеринькой не разговаривала. Но потом, конечно, она не выдерживала и говорила: «Джеринька, спокойной ночи», потому что он всегда устраивался спать на полу под тем краем дивана, где спала мама.

4. Джерри Шадричев

У Джериньки было удостоверение личности, выданное ветеринарной станцией, где ему делали уколы от бешенства. Там было написано: «Кличка – Джерри, фамилия – Шадричев». Довольно быстро Джеринька начал жить, как мы: утром, когда кто-то из нас слезал с кровати и шел мыться, Джеринька забирался в теплую освободившуюся постельку под одеяло, а голову всегда клал на подушку. Когда хозяин возвращался, Джеринька не делал попыток к бегству. Наоборот, он дружелюбно стучал хвостом под одеялом, словно говоря: «Правда, у меня уже здорово похоже получается». Мы его не прогоняли, чтобы не препятствовать свободному развитию личности. Как-то раз по радио пел хор пионеров. Джеринька очень разлаялся. Мама закричала: «Тихо, Джерри! Это по радио собачки поют. Тьфу ты! Ребятки лают!» Семейная жизнь налаживалась сразу с обеих сторон.

5. Ласковые слова

У нас на даче была соседка Валентина Ивановна и кот Кесарик. Кесарик – это от слова «кесарь», а не «киса» и пишется поэтому через «е». Кесарика, наверное, так называли потому, что он уже в молодости отличался царственными повадками и обликом. А может быть, называли его по традиции. Может, это до революции в хороших домах так было принято называть котов. (У Валентины Ивановны отец был известный инженер, занимавший целый этаж в доме страхового общества «Россия» на Моховой). И Кесарик как исключительно сознательный кот хотел соответствовать своему имени. Кесарик и Валентина Ивановна были уже довольно старые и большую часть времени проводили на веранде. Валентина Ивановна, в молодости изумительная зеленоглазая красавица, с возрастом стала, как и многие красавицы, вылитая ведьма. Пристально вспыхивающим взглядом она следила то за своим пасьянсом, то за Кесариком, который обычно сидел на подоконнике, как изваяние, рядом с маленькой гипсовой Венерой, которую когда-то слепил с Валентины Ивановны ее муж Григорий Иванович. Григорий Иванович тогда еще продолжал работать и на дачу приезжал из города на большой зеленой машине «победа». В детстве Григорий Иванович был признан самым красивым младенцем города Парижа, где в этот момент оказались его родители. Валентина Ивановна

показывала мне его почетный диплом с тщательно выгравированной эмблемой – изображением обнаженного младенца в венке, посаженного на пьедестальчик, напоминающий здоровые педиатрические весы. Григорий Иванович был изрядный джентльмен и вообще очень добрый человек. Однажды с Финского залива подул жуткий ветер. Началась буря, в лесу с корнем вырывало огромные сосны. У нас во дворе все деревья скрипели и стонали от каждого порыва ветра. Тут моя бабушка Вера Павловна заметила, что еще немного – и весь наш забор повалится. С нечленораздельным криком она выскочила на улицу и подставила под накренившийся штакетник свои плечи. Григорий Иванович, который, конечно же, понимал всю отчаянную бесполезность этого поступка, тем не менее сразу последовал за бабушкой и держал наш забор рядом с ней, пока она совсем не промокла под дождем и приступ героизма сам собой не закончился. Так вот, Григорий Иванович обычно приезжал из города вечером и привозил Валентине Ивановне и Кесарику что-нибудь вкусное. Валентина Ивановна, тяжело опираясь на палку, выходила за калитку встречать его вместе с Кесариком и прогуливалась вдоль опушки леса. Кесарик иногда задерживался в лесу, если ему нужно было отследить какую-нибудь мышку или птичку. И тогда Валентина Ивановна выходила на крыльцо и властным низким голосом звала его: «Кесарик, Кесарик, Кесарик! Иди быстрее домой! Папочка привез тебе свежего творожка!» Тут из леса не спеша появлялся Кесарик с

птичкой или мышкой, безвольно болтающейся у него в зубах, почтительно сдавал свою добычу Валентине Ивановне, и они вместе уходили полдничать творогом со сметаной и всем вкусным, что привез Григорий Иванович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.